

УДК 1 (075.8)

Мотренко Т.В.

Н. Н. СТРАХОВ И РУССКОЕ ГЕГЕЛЬЯНСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 19 ВЕКА

Актуальность проблемы, рассматриваемой автором в данной статье, проистекает из очевидного положения дел в области исследований по формированию отечественной традиции истории философии. Русское гегельянство, как и многое другое в отечественной философии, изучено явно недостаточно, однако есть все основания считать, что этот культурный феномен сыграл чрезвычайно важную роль в идеологической жизни и исторической судьбе России и Украины, повлияв на формирование революционных настроений. Исследование данной проблемы позволит пролить свет на современное состояние дел в области культурных взаимоотношений двух государств.

Наиболее обстоятельным изложением философских взглядов русских гегельянцев до сих пор остается труд Д. И. Чижевского "Гегель в России". Достаточно указать на отсутствие специальной монографической литературы по истории русского гегельянства 60-80-х годов. Далеко не однородные, подчас совершенно несхожие философские позиции крупнейших русских гегельянцев — Н. Н. Стрехова, Б. Н. Чичерина, Н. Г. Дебольского, П. А. Бакунина — практически унифицируются и произвольно сводятся "для удобства", как поясняет Ю. В. Бабаев, к общему знаменателю. Не выработан и общий подход к изучению русского гегельянства. Так, В. Ф. Асмус характеризует его как «консервативное» [11, с. 176], Л. А. Коган употребляет термин «гегельянство» [12, с. 109], а В. В. Зеньковский — "позднейшее гегельянство" [13, с. 146]. Д. И. Чижевский рассматривает русское гегельянство 60- 80-х годов как «умеренное» [1, с. 260], а Ю.В. Бабаев оперирует, все из тех же соображений "удобства", термином «неогегельянство» [10, с. 61], хотя, на наш взгляд, идеи перечисленных выше русских гегельянцев далеки от неогегельянских в историко-философском значении этого слова. Особое возражение вызывает стремление Ю. В. Бабаева придать политизированный смысл русскому гегельянству, наделить его какой-то особой "миссией". Повторение забытых положений "учителей " философии, по мнению Ю. В. Бабаева, «не было безвинным явлением: "ученики" так старались модернизировать положение своих "учителей", чтобы их авторитетом можно было противостоять "новым веяниям, особенно материализму и социализму» [10, с. 61].

Данная статья имеет целью выяснить степень адекватности приведенных здесь характеристик на примере анализа философских взглядов одного из крупнейших русских гегельянцев.

По вопросу о том, следует ли причислять Н. Н. Страхова (1828-1896) к русскому гегельянству, единого мнения в литературе пока не выработано. К "умеренным гегельянцам" относит Страхова Я. Колубовский [14, с. 529]. На "гегельянстве" Страхова настаивает В. Чуйко [15, с. 366]. И. И. Губарь высказывает убеждение в том, что Страхов «был единственным русским философом, который признавал и отстаивал абсолютный характер гегелевской системы» [16, с. 12]. В рамках гегельянства рассматривает философское творчество мыслителя Д. Чижевский [1, с. 266-283]. Ю. Бабаев безапелляционно причисляет Страхова к неогегельянству» [10, с. 61]. В то же время ряд исследователей либо прямо отрицает причастность Страхова к гегельянству, либо подчеркивает весьма условный характер его гегельянства. Так, Н. Я. Грот, отмечая значительное влияние Гегеля на философские взгляды Страхова, приходит все же к выводу, что «нельзя никак назвать его приверженцем философской системы Гегеля в ее целом» [17, с. 13]. Такой же точки зрения придерживается и Э. Л. Радлов: «Страхова, — пишет он, — нельзя назвать гегельянцем в тесном смысле этого слова» [18, с. 786]. Б. В. Никольский высказывается еще определеннее: «... ошибочно весьма ходячее провозглашение Страхова гегельянцем... признавая заслуги Гегеля и их высокое значение, Страхов отнюдь не был гегельянцем, как и вообще не принадлежал во всю свою жизнь ни к какой школе, ни к какой партии» [5, с. 19].

В.В. Зеньковский, отмечая весьма прозорливые интуиции Страхова в отношении гегелевской философии, рассматривает его всецело в традиции почвенничества [13, с. 410-414]. Как крайне эклектичную расценивают философию Страхова А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров [19, с. 347]. Заметим, что Б. Никольский подчеркивал в свое время прямо противоположное, а Страхов, по его убеждению, «менее всего поддавался наклонности к эклектизму. Эклектизм ведь все же есть сочинение некоторого символа веры, изобретение школы с удобным учением. Между тем Страхов во всех областях, в которые увлекала его природная любознательность, являлся не творцом, а зрителем, не писателем, а читателем, даже не критиком, а знатоком, — "эстетическим сластолюбцем", как он сам однажды выразился, предпочитал, таким образом, одинокое служение истине массовому служению догматам» [5, с. 20]. Нет единства в оценке Страхова и среди авторов малого энциклопедического словаря "Русская философия". А. И. Абрамов, автор статьи "Гегель в России" характеризует философию Страхова как гегельянство [20, с. 118], в то же время В. Сапов, автор статьи о Страхове, нисколько не упоминает ни о гегельянстве русского мыслителя, ни о каком бы то ни было его отношении к гегелевской философии вообще, замечая, что "Страхова нельзя безоговорочно зачислить ни в какой философский или мировоззренческий лагерь» [21, с. 494].

На наш взгляд, такие разноречивые и подчас взаимоисключающие оценки и характеристики проистекают, прежде всего, из неизученности, неисследованности философского наследия Н. Н. Страхова. Его труды, давно ставшие библиографической редкостью, до сих пор не переизданы (исключение — небольшой томик литературно-критических статей [4], к философии не имеющих отношения. Никогда не издавалось его собрание сочинений. Отсутствует и библиография его работ. А ведь известно, что Страхов писал очень много, особенно статей для различных журналов, в том числе

статей философских. Требуется переиздания и переписка Страхова с Л. Толстым, Ф. Достоевским, В. Розановым, во многом проливающая свет на философские взгляды мыслителя.

Объективной оценке философского наследия Страхова препятствует и отсутствие в нашей литературе специальных его исследований. Довольно беглый очерк философских взглядов мыслителя дает лишь Л. Р. Авдеева в книге "Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов" (М., 1992). Работа "Литературные изгнанники" В. В. Розанова, до сих пор у нас не переизданная, остается лучшим из того, что написано о Страхове за последние сто лет.

Все это лишь подтверждает, к сожалению, слова Д. Чижевского о том, что «интереса к Страхову история русского духа не проявила» [1, с. 267]. Почти вековое забвение Страхова кажется нам особенно несправедливым, учитывая ту значительную роль, которую играл этот мыслитель в русской духовной культуре второй половины XIX века. Речь идет не только о том влиянии, которое оказал Страхов на Ап. Григорьева, А. Фета, Ф. Достоевского (для последнего, как отмечает Д. Чижевский, «Страхов долго был философским информатором» [1, с. 266]), Л. Н. Толстого, В. Розанова, но и о том огромном значении, которое имела его литературная и философская публицистика в борьбе с утилитаризмом, нигилизмом и невежественностью русского "просвещения" (сам этот термин введен в научный обиход Страховым). Будучи, по словам В. В. Розанова, "самым независимым человеком в литературе", Страхов никогда "не шумел, не кричал, не агитировал, не обличал, а сидел тихо и тихо писал книги". То же самое замечал и Д. И. Чижевский: "Страхов умеет в атмосфере диких споров того времени, отвлекаясь от личных нападков противников и треволений, вызывающихся "злобами дня", писать предметно объективно, спокойно и веско, пытаясь убедить противников и читателей в правильности своих идей. Он выступает, как "трезвый между пьяными", не из равнодушия, но из какого-то внутреннего сознания, чувства близости к Вечному. Он как будто стоит на страже у вечных ценностей, и не хочет, да просто органически не может, оскорбить спокойствие святого святых шумом, неистовством, бранью и дикостью".

В эпоху русского нигилизма Страхов был одним из очень немногих мыслителей, которые последовательно, бескомпромиссно и вдобавок талантливо отстаивали философские, эстетические и вообще культурные ценности. Естественник по образованию (учился он на физико-математических факультетах Санкт-Петербургского университета и Педагогического института), защитивший в 1857 году магистерскую диссертацию по зоологии о костях запястья млекопитающих, Страхов был человеком высочайшей философской культуры. Как справедливо замечает В. В. Розанов, он "читал по-латыни, гречески, французски и немецки, и был специалистом по философии, по биологии и по физике."

Трудно сказать определенно, когда впервые Страхов обращается к изучению гегелевской философии, но уже одна из самых ранних его статей посвящена значению философского наследия Гегеля.

Позднее, в предисловии к работе "Мир как целое, черты из науки о природе" сам Страхов называет гегелевскую философию одним из идейных источников своего мировоззрения: "Источником своих взглядов, — подчеркивает он, — я считал, во-первых, математические и естественные науки, которыми я тогда занимался и

истинный дух которых усвоил себе чтением, размышлением и некоторыми работами. Вторым источником своих взглядов я считал гегелевскую философию, — но не ее учение в каком-либо определенном виде, а только ее методу, которую признавал, как и теперь признаю, полным выражением научного духа".

Однако, на наш взгляд, Страхова привлекает не только диалектический метод, но сам дух и сущность гегелевской философии. Уже в своей статье о значении гегелевской философии Страхов отстаивает мысль о том, что именно философия Гегеля, а не вульгарный материализм, есть трезвый, здоровый взгляд на мир. Слухи о кончине гегелевской философии, подчеркивает он, сильно преувеличены. Ее глубокое неминуемое влияние ощутимо даже среди тех, кто не считает себя ее последователями. И это совершенно естественно, ибо "философия не избирается по большинству голосов, как французские императоры". Жизненность гегелевской философии обусловлена тем, что она "такова — какова должна быть философия". Любые попытки низвергнуть ее лишь усиливают ее значение, ибо Гегель первым понял и выразил то, что до него лишь смутно чувствовали: "Всеобщность есть необходимое условие философии. Кто не чувствует недоверия к философу, который понимает только себя, только свои собственные мысли, и перед которым все остальное — мрак и неразумие? Полная система должна заключать в себе смысл всех существовавших систем, должна быть их довершением, их развитием, а не отрицанием". Именно такой, по убеждению Страхова, является философия Гегеля.

Непреходящее значение идей немецкого мыслителя Страхов видит в том, что "он возвел философию в степень науки, поставил ее на незыблемом основании". Гегелевская система дает ключ к пониманию всех других систем, она совмещает их в себе и каждой указывает ее роль в отыскании истины. Это единство достигнуто, по убеждению Страхова, с помощью "волшебного слова" — развитие, которое было "в первый раз с полным пониманием произнесено Гегелем".

Система Гегеля останется навсегда лучшим плодом философского творчества, замечает Страхов. Он объясняет это тем, что гегелевская система есть полная система, т. е. распространяется на всю сферу мышления и умственной истории. Она есть строгая система, ибо все в ней тесно связано, все точно развито, определенно высказано. Наконец, система Гегеля — устойчивая система, так, при всем глубочайшем ее единстве, каждая из частей не основывается на предыдущей, а "держится" сама по себе. Все это, подчеркивает Страхов, придает системе великого немецкого мыслителя универсальный характер.

Именно в стремлении к целостности, полноте, совершенству, безусловном доверии к человеческому разуму, к истине и силе идеи и выражается, на наш взгляд, гегельянство Страхова, смысл философских построений которого состоит в искании меры и гармонии. Как совершенно справедливо замечает Б. В. Никольский, главной чертой Страхова является "эстетичность его воззрений и искание в трансцендентальном истинной сущности бытия". Как женственно-чуткого и эстетически восприимчивого мыслителя характеризует Страхова и Д. И. Чижевский. Разделяя эту точку зрения, отметим, что эстетичность мировоззрения Страхова как раз и состоит, прежде всего, в утверждении цельности, стройности, гармонии, как в человеке, так и в мире в целом. Та же черта проявляется в требовании Страхова внутренней и внешней

цельности и последовательности от - любого суждения, любого умозаключения, любой философской системы, логичности и четкости от любых определений и выводов. И здесь мы тоже усматриваем "гегелевскую школу" мышления Страхова-философа. Нельзя не отличить также, что эстетичность Страхова проявляется и в самом его отношении к гегелевской философии, которая привлекает его прежде всего своим совершенством и логической красотой. Заметим, что в своем восхищении Гегелем Страхов отнюдь не склонен к апологетике. Признание величайшего значения гегелевской философии отнюдь не мешает Страхову увидеть ошибочность некоторых ее положений, их односторонность. Сетую на превратные толкования абсолютности гегелевской системы, Страхов подчеркивает, что ее дух, ее стремления, глубочайшие ее основания - вот что абсолютно; но не абсолютны те слова, которые рука Гегеля чертила на бумаге...". Односторонности, замечает русский мыслитель, всегда неизбежны, но они не колеблют самого существа гегелевской системы, ее живого и ясного стремления к "абсолютно-совершенной форме философии". Страхов предупреждает, что не следует требовать от гегелевской философии невозможного, не следует ждать от нее утоления того таинственного, бесконечного, божественного, что непрерывно пожирает человека. Да, "система Гегеля действительно холодна, безразлична; действительно, превращая постепенно все в понятия, мы утомляемся, мы начинаем чувствовать тоску и недостаток чего-либо более живого, более теплого". "Представьте, что вы заняты вычислением движения светил небесных, — пишет Страхов. — Вам, наконец, наскучили сухие формулы и цифры, и вы говорите: как все это мертво! Но не забудьте, что сами светила от этого не мертвы и нисколько не скучны. Солнце восходит и заходит с большим великолепием и пышностью; звезды дают ночи невыразимую таинственность и задумчивость; луна плавает так плавно и светит так кротко. Если вы скушаете за выкладками, то светила в этом нисколько не виноваты. Любуйтесь ими, если хотите, но если вы пожелали узнать их движение, то выкладки и формулы необходимы, неизбежны.

То же самое можно, кажется, сказать и о философии. Если вы желаете проникнуть в тайны бытия и мышления, сидите в комнате и читайте Гегеля; если вами овладевает тоска, — понятная вещь, я знаю, от чего: не добро быть человеку одному, ступайте гулять, ступайте жить, а не мыслить. ... В самом деле, какой страшный должен быть идеализм, который хотел бы из-за философии забыть жизнь! Не тому учит Гегель, он учит даже прямо противоположному ... мышление и бытие не только действительно тождественны, но и действительно различны; вещество и дух, тело и душа, философия и жизнь не только на самом деле отождествляются, сливаются в едино, но и в самом деле различаются, разделяются как возможно шире. Следовательно, вспомните ... что философия не может сделать вас чистым понятием, и перестаньте жаловаться на нее. Если бы философия составляла собою жизнь, то, что за жалкая была бы жизнь! И обратно, если бы философия не становилась выше жизни и не отходила бы от нее, то, что за жалкая была бы философия! Думаю, что такого рода реализм лежит в самой сущности системы Гегеля; она не только есть абсолютный идеализм, она есть и абсолютный реализм".

"Гегелевская школа" чувствуется и в идее рационального естествознания, которую Страхов отстаивает в целом ряде своих работ. Уже в статье о значении гегелевской философии он указывает на чрезвычайную важность ее положений для конкретных наук,

подчеркивает необходимость ее изучения специалистами по разным отраслям знания. "Науки иногда весьма презрительно посматривают на философию и ... знать ничего не хотят о ней; а между тем, философия обнаруживает на них свое неизбежное влияние, и они не замечают его только потому, что на самом деле не знакомы с философией. Философия иногда тоже горделиво обращается с подчиненными ей науками, но на самом деле она питается их лучшими соками". Презрительнее всего, замечает Страхов, относится к философии естествознание. Как результат — натуралисты "большой частью не умеют мыслить и не умеют точно выражаться. Руководствуясь естественным тактом, они, правда, идут верною дорогою, но смысл, направление и цель дороги для них вовсе не ясны. Поэтому их заблуждения бывают очень часто до крайности странны". В естествознании Страхова привлекает не столько знание отдельных фактов, сколько выяснение их необходимой связи, возведение вещественного мира в мир умственный. В работе "Мир как целое", в которой собраны натурфилософские статьи Страхова, он решительно протестует против абсолютизации эмпирического метода в естествознании. "Эмпиризм, отрицание умозрения — вот разгадка всяких остановок и ненормальных развитий, — пишет он. — Все значение моей книги состоит в том, что она идет против эмпиризма, пытается вносить мышление в приемы изучения природы".

Разъясняя сущность опытного метода, Страхов указывает априорные элементы, категории, которые принадлежат нашему мышлению, и применение которых к данным восприятия создает опыт: "Каждая наука имеет свою метафизику, т. е. она вносит в свои исследования некоторый априорический взгляд на предмет, которым она занимается, — она заранее определяет сущность своего предмета и старается подтвердить это определение, распространить его все дальше и дальше". Далее Страхов приводит очень интересные и важные, на наш взгляд, рассуждения: «В каждой науке рано или поздно наступает или должно наступить время, когда ее метафизика станет для нее недостаточною или стеснительною. Именно, — со временем окажется, что сущность вещей лежит гораздо глубже, чем как полагала аргюіі какая-нибудь наука. В таком случае приходится бросить ее старую метафизику и внести в нее новую, которая бы не стесняла ее движений и открывала ей новые пути и задачи. Можно ожидать, что настанет время, когда метафизика будет вовсе изгнана из наук, т. е. из них будут изгнаны всякие попытки воплощать сущность вещей в те или другие частные формы. Тогда априорический элемент, эта душа каждой науки, будет иметь вид не метафизики, а диалектики". Здесь мы видим, что Страхов противопоставляет метафизику диалектике. Под метафизикой он понимает предварительное определение сущности предмета, которое должно уступить место иному определению, более глубокому и правильному, а сам переход от одного метафизического воззрения к другому, обусловленный природой нашего мышления, он называет диалектикой. "Диалектикой, — пишет Страхов, — я называю субъективную логику, т. е. науку, в которой мысль опирается только на самую себя, в которой она излагает все свои законы и движения и дает абсолютный метод своего действия, заключающий в себе все другие методы, как частный случай". Диалектика, в понимании Страхова, есть правильный путь развития человеческого ума, правильное, методичное мышление, и здесь русский философ, как справедливо отмечает Э. Л. Радлов, "не слепо следовал за

Гегелем" и опирался в своей трактовке ее как развития априорных элементов в душе человека на традицию немецкого идеализма в целом.

Эту же традицию Страхов продолжает в учении о "мире как целом". Свое понимание природы он формулирует следующим образом: "Мир есть целое, т. е. он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум. — Мир есть единое целое, т. е. он не распадается на две, на три, или, вообще, на несколько сущностей, связанных независимо от их собственных свойств. Такое единство мира можно получить не иначе, как одухотворив природу, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа. Мир есть связанное целое, т. е. все его части и явления находятся во взаимной зависимости. В нем нет ... никаких особых начал, ... нет самостоятельных, от века различных сил, нет ничего неизменного, само по себе существующего... Мир есть стройное целое, или ... гармоническое, органическое целое. То есть части явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют правильную лестницу, пирамиду... иерархию существ и явлений. Мир, как организм, имеет части менее важные и более важные, высшие и низшие: и отношение между этими частями таково, что они представляют гармонию, служат одни для других, образуют одно целое, в котором нет ничего ни лишнего, ни бесполезного. Мир есть целое, имеющее центр, - именно он есть сфера, средоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое; он есть главная сущность, главное явление и главный орган мира" [там же, с. 223].

Очевидно, что в этом учении о мире как целом, не оцененном ни современниками, ни потомками, Страхов излагает ту позицию антропоцентризма, которая станет одной из ведущих тем последующей русской религиозной философии. Антропоцентризм Страхова также носит религиозный характер. В. В. Розанов первым заметил, что религиозная тема составляет центр внутренних исканий Страхова, хотя "самого... центра он почти никогда не касается словом". Свободное отношение к церкви сочетается у мыслителя с глубоким внутренним чувством Бога, убеждением в том, что "действительное познание ... необходимо приведет нас к Богу, укажет, что только в Нем содержится смысл всякого бытия" [там же, с. 225]. Для нас важно отметить, что Страхов особенно подчеркивает религиозный характер философии Гегеля и немецкого идеализма в целом. И Кант, и Фихте, и Шеллинг, и Гегель перешли к философии от богословия, теологический элемент в их мышлении играл весьма значительную роль. По убеждению Страхова, большая ошибка русских в том, что они не умеют понимать богословского характера немецких идеалистических учений, ищут в них вольнодумства и остаются слепы к тому, что в них важнее и поучительнее всего, а именно к их стремлению сочетать рационалистическое познание с мистической интуицией. Ценность и значимость гегелевской системы усиливаются еще и тем, что в ней особенно смело сочетаются рационализм и мистицизм. В одном из писем к Л. Толстому Страхов прямо указывает, что Гегеля несправедливо рассматривают как пантеиста чуть ли не в материалистическом духе, в действительности Гегель был

"чистейший мистик и совпадает с Баадером, Мейстером Экхартом, Ангелом Селезским и т.п.". В дальнейшем эта точка зрения будет развита в трудах И. А. Ильина.

Подчеркнем, что и в мировоззрении самого Страхова сочетаются рационализм и элементы иррационализма. Ратуя за "рациональное естествознание", он вместе с тем выступает против откровенного секуляризма западной культуры, против сугубо рационального постижения истории. "Наука не объемлет того, что для нас всего важнее, всего существеннее, — не объемлет жизни, — подчеркивает он. — Вне науки находится главная сторона нашего бытия — то, что составляет нашу судьбу, то, что мы называем Богом, совестью, нашим счастьем и достоинством". Человек, по убеждению Страхова, не может быть понят только рационально, источник его внутренних разногласий "заключается не уме, а в каких-нибудь других требованиях души человеческой. Человек постоянно почему-то враждует против рационализма".

Нельзя не отметить огромного значения работ Страхова в борьбе против просвещения, против нигилистического отрицания духовных ценностей, против культурного небытия. В 60-е годы прошлого века он был едва ли не единственным "охранителем" гегелевской философской традиции в России: "о Гегеле говорил перед широкими кругами читателей в то время только Страхов". Он доказывает, что гегелевская философия имеет непреходящую ценность, и указывает на ее элементы в воззрениях современных ему мыслителей-негегельянцев. О кумире отечественных материалистов он пишет: "Фейербах... есть гегельянец, есть ум, вполне проникнутый гегельянством... он весь — диалектика. Приемы, формы, слова — все в нем гегелианское". Воюя с философским невежеством "шестидесятников", Страхов показывает, что смысл и значение гегелевской философии остались им неизвестны — отсюда и их "неистовость" по отношению к Гегелю, наивное убеждение в том, что гегелизм пал, и т. д. Особенно интересна в этом смысле его полемика с Антоновичем по поводу уже упомянутой выше статьи последнего о Гегеле, о которой Страхов резонно замечает: «...- и не знать философии; в этом нет никакой вины; но никак непозволительно писать о философии, когда ее не знаешь...".

Выводы. На наш взгляд, Страхов не был гегельяцем в полном смысле этого слова, тем более ортодоксальным гегельянцем. Несмотря на свою общность с Гегелем, он опирается не только на гегелевскую философию, но на традиции немецкого идеализма в целом. Он был учеником Гегеля, но не тем, который с готовностью принимает все положения учителя, а последователем, свободно и творчески относящимся к своему единомышленнику. В этом смысле философские взгляды Н. Н. Страхова являются очевидной оппозицией той форме рецепции наследия великого немецкого мыслителя, которую мы обнаруживаем в творчестве русских революционных демократов той же эпохи и которую не всегда можно считать корректной и адекватной.

Список литературы

1. Чижевский Д.И. Гегель в России. — Париж, 1939.
2. Розанов В.В. Мысли о литературе. — М., 1989.
3. Страхов Н.Н. Философские очерки. — СПб., 1895.
4. Страхов Н.Н. Литературная критика. — М., 1984.

5. Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов. – СПб., 1896.
6. Страхов Н.Н. Мир как целое, черты науки о природе. – СПб., 1892.
7. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – СПб., 1883.
8. Страхов Н.Н. О вечных истинах (мой спор о спиритизме). – СПб., 1887.
9. Страхов Н.Н. Об индюшках и о Гегеле // Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861-1865. – СПб., 1890.
10. Бабаев Ю.В. Из истории утверждения неогегельянства в России // Вестник МГУ. Сер. Философия. – 1968, №6.
11. Асмус В.Ф. Консервативное гегельянство второй половины XIX века // Гегель и философия в России. – М., 1974.
12. Коган Л.А. О понятии «русское гегельянство» // Вопросы философии. - 1975, № 6.
13. Зеньковский В.В. История русской философии. – Париж, 1989, т.2..
14. Колубовский Я.Н. Философия у русских. // Ибервег Ф., Генце М. История новой философии в сжатом очерке. – СПб., 1890.
15. Чуйко В.В. Русская философия. // Кирхнер Ф. История философии с древнейшего до настоящего времени. – СПб., 1895.
16. Губарь И.И. Философия Гегеля в России. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Л., 1968.
17. Грот Н.Я. Памяти Страхова. К характеристике его философского мирозерцания. – М., 1896.
18. Радлов Э.Л. Страхов Николай Николаевич. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб., 1901, т. 62.
19. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия 19-20 веков. – Л., 1970.
20. Абрамов А.И. Гегель в России. // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.
21. Салов И. Страхов Николай Николаевич. // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.
22. Розанов В.В. О борьбе с Западом в связи с деятельностью одного из славянофилов. // Вопросы философии и психологии, 1890, № 4.

Поступило в редакцию 19.02.03